

4. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака/Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях/ Сергей Осипович Карцевский– М., 1965. – С. 85-93.

5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М., 1990 – 685 с.

6. Гак В.Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании /Лексическая и грамматическая семантика романских языков. Материалы IV Всесоюзной конференции по романскому языкознанию/ Владимир Григорьевич Гак – Калинин, 1980 – С. 41-51.

УДК 11/85.14

*Паницев А.Л.
(Курск, Россия)*

МЕТАФИЗИКА ГРАНИЦ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЁВА

*Быть может, мы спасёмся...
но меня не утешают твои чудеса.
Что мне в том, что они чудеса,
если они здесь на Земле! Если их создали
люди, такие же, как я! Если есть
границы моему миру! Нам сказано:
до сих пор твоё, а дальше мы не смеем.
О! ... В этом-то ужас.*

В. Брюсов [1 : 54]

Дана стаття присвячена уявленням про метафізику буття людини в поезії М.Гумільова. У статті йдеться про те, що, відповідно до ідей, поетично висловленим М. Гумільовим, людина досягає повноти своєї природи не лише сама по собі, а виступаючи учасником надлюдського буття, у даному випадку буття Бога.

Ключові слова: буття, людина, боголюдина, межі, кордони.

Данная статья посвящена представлениям о метафизике бытия человека в поэзии Н. Гумилёва. В статье речь идет о том, что, согласно идеям, поэтически выраженным Н. Гумилёвым, человек достигает полноты своей природы не сам по себе, а лишь будучи участником надчеловеческого бытия, в данном случае бытия Бога.

Ключевые слова: бытие, человек, богочеловек, пределы, границы.

This article is devoted to the problem of metaphysic entity of human life in the poetry by N. Gumilev.

Key words: entity, human, god-man, limits, borders.

© Паницев А.Л., 2011

Тема Русского Ренессанса весьма обширна, и её сущностные черты проанализировать в пределах одной статьи не представляется возможным (это я попытался сделать в монографии «Русский Ренессанс: человек между Богом и бесом», М., 2007). Здесь мы ограничимся лишь тем, что выделим несколько наиболее характерных черт, присущих периоду Ренессанса в России и, не ставя в качестве основной цели их пространственный анализ, рассмотрим их отличительные особенности. Для этого можно обратиться к поэтическому творчеству поэта Серебряного века Николая Степановича Гумилёва.

Говоря об основных чертах русского Ренессанса, выделим таковые:

1) Попытка человека, исключительно на нерелигиозных основах, то есть своими силами, построить идеальный мир, соизмеримый по совершенству с представляемым градом Божиим.

2) Стремление человека найти в собственной природе критерий совершенства.

3) Обеспечить сохранность полноты человеческой природы исключительно на основе собственных – человеческих – сил.

Полагаю, что эти вышеотмеченные три черты в контексте нашего исследования являются наиболее важными. Расценивая данную эпоху сквозь призму этих влияющих факторов, станет возможным наиболее полное понимание природы и сущности антропоцентризма и гуманизма эпохи Ренессанса не только в Европе, но и в России.

Одной из значимых черт русского Ренессанса, отразившейся в поэзии Н.С. Гумилёва, стал поиск богочеловека. Считаю уместным в данном случае использование термина «богочеловек», а не «человекобог», пагубность идеи которого была достаточно ясно осмыслена в русской культуре. Особенно явственно чувство, осознание опасности идеи человекобога прослеживается в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» [2 : 232]. Что же касается термина «богочеловек», то он коррелирует с общими принципами православной культуры, в частности с идеей теозиса (обожения чрез стяжание Святого Духа). Именно в теозисе, согласно православному вероучению, состоит смысл жизни человека.

В России с конца XIX столетия нередко наблюдаются настойчивые попытки осмыслить возможность построения царства Божьего на земле. Думается, что столь пристальное внимание к идее богочеловечества во многом может объясняться реакцией русской культуры на ницшеанскую идею сверхчеловека, или человекобога. Невольно приходится согласиться с мнением С.Э. Цветкова, который (ссылаясь на В. Розанова) писал о том, что в России Ницше почтили в основном по той причине, что он был большим немцем. Совсем же другое дело, если бы русский человек в России стал бы утверждать, постулировать идею сверхчеловека, его называли бы мерзавцем и вовсе не стали бы читать [3 : 104]. Между тем, именно необходимость в противостоянии образу жестокого, безжалостного сверхчеловека стала стимулировать философско-литературный анализ учения о богочеловеке. Идея богочеловечества и построения идеального мира на земле пронизывали всю русскую культуру данного периода, охватывали ряд философских учений, вызывали острую полемику среди русской общественности. В конечном итоге, восторжествовала идея человекобога, приведшая к установлению в России социализма.

Важной спецификой поэзии Н. Гумилёва является его стремление показать несостоятельность попытки в условиях естественно-физического бытия найти воплощение божественного абсолюта в человеческой природе. Возникает противоречие между *сознанием человека, способным создавать образы идеального, и самим миром, который не*

в состоянии предложить личности телесное воплощение этих образов совершенства. Пожалуй, наиболее оригинально эта мысль была выражена в стихотворной форме Н. Гумилёвым:

Он поклонялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

Но забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая,
Ночью был зарезан в драке
И пришёл к преддверьям рая.

«Ты ль в Моём не клялся храме, –
Прозвучала речь Мадонны, –
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи очи непреклонны?»

Отойди, не этой жатвы
Собирает Царь Небесный,
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, Богу неизвестный».

Но, печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны» [4, 92].

Собственно говоря, за образом Мадонны (так же, как и за образами Прекрасной Дамы, Беатриче...) стоит идея богочеловека, а сам образ прекрасной девы распространён в поэтическом художественном творчестве в силу романтизма поэзии как вида искусства, возбуждающего чувство очарования, чего-то эмоционального, восторженного и прекрасного, впрочем, нередко в приукрашенном виде. В приведённом выше стихотворении показано то, что личность, создав в своём сознании образы идеалов, понимает превосходство своей человеческой природы над физическим миром. Более того, человек, осмыслив и ощутив свою власть над миром материи, обязуется быть верным тем идеалам, которые он сам сотворил в собственном сознании. Но далее трагедия разворачивается в отношениях между внешней средой и имманентным миром индивида. Последний в физическом мире отрекается от образов совершенства, а, следовательно, от своей сущности, своего сознания, в котором формируются и осмысливаются эти образы. В конечном итоге, человек предаёт себя, он оказывается Иудой по отношению к самому себе. При утрате же пути к идеалу индивид становится подвластным материи, а, следовательно, – смерти. Чувство смертности заставляет человека особенно остро осознавать то, что он в физическом мире посторонний. Если образы, взлелеянные в его сознании, зависят только от самого человека, то жизнь материи обуславливается естественными законами, согласно которым любое физическое тело должно распасться или видоизмениться. «Смерть только въявь обнаруживает тайну жизни – показывает, что жизнь природы есть скрытое тление» [5 : 189]. Человек, решая проблему антагонизма идеальных образов своего сознания и объективной реальности законов физического мира, фактически решает вопрос выбора между жизнью и смертью и, наконец, подчиняясь реалиям материи, он живёт согласно естественным законам. Самым же главным оказывается то, что индивид теперь соотносит образы своего сознания с этими законами и пытается найти место своим идеалам среди законов мира материи, при этом приземляя их, лишая истинного человеческого достоинства.

Примечательным является стихотворение Н. Гумилёва «Беатриче» [4 : 99-101], где поэтом отображён символический уход человека из Эдема для того, чтобы он сам создал такой же сад на земле. В итоге, он терпит фиаско и осознаёт, что оказался не равным Богу, а проявил себя лишь надменным гордецом, бунтарём против Бога. Обратим внимание на поставленный поэтом вопрос: «Знаете ль вы, что недавно бросила рай Беатриче?». По сути, Беатриче оказывается символическим образом человека, достигшего пределов своего бытия, но отнюдь не получившего от этого чувства полноты своей природы. Поэтому-то не случайно поэт, обращаясь к образу Беатриче, пишет: «Ты подаришь мне смертную дрожь...». Думается, что человек в поисках критерия совершенства в себе самом, безотносительно метафизического Абсолюта, неизбежно оказывается перед фактом невозможности становления своей природы исключительно в границах человеческого бытия. Отсюда мы можем прийти к выводу, что, лишь преодолевая пределы своего бытия, человек способен утвердить свою личность.

Здесь важно обратиться к анализу понятий «*границы*» и «*пределы*» в антропологическом смысле. Предполагается, что границы бытия человека выражают его возможности в плане развёртывания свойств человеческой природы, а пределы очерчивают те грани, переступив или преодолев которые, индивид качественно преобразует свою человеческую природу или же теряет её. В случае нравственного и социального развития преодоление пределов бытия человека предполагает качественно новую жизнь. В православном богословии такая жизнь рассматривается в смысле теозиса. В случае же нравственной деградации мы сталкиваемся с вырождением человеческой природы, распадом социальных отношений и девальвацией права. Возвращаясь к анализу стихотворения «Беатриче», надобно подчеркнуть немаловажную художественную деталь, а именно: в нём определённо отмечено, что сам по себе человек не образует полноту своей природы. Если он проецирует образ абсолюта на человека, мыслимого безотносительно метафизических категорий, то есть самого по себе, то оказывается перед опасностью духовного опустошения, или, лучше сказать, перед реальной угрозой духовной девальвации. Последний термин, несмотря на то, что взят из области экономики, тем не менее рельефно отражает суть проблемы, состоящей в неспособности индивида достичь всей полноты совершенствования в пределах сугубо человеческой природы. Должна быть связь с надчеловеческим абсолютом, о котором Гумилёв в рассматриваемом нами стихотворении ничего не пишет. Вместе с тем, основываясь на контексты других гумилёвских стихотворений (в том числе «Он поклялся...»), уместно допустить то, что, с точки зрения поэта, этим абсолютом является Бог, духовная связь с которым позволяет реализовать существенные свойства человеческой природы и достичь её полноты. Кстати сказать, в таком стихотворении Н. Гумилёва, как «О тебе», явно ощущается полное отречение от своего «я» ради абсолютного идеала. Причём прямым указанием на сопричастность данного идеала божественному бытию являются последние строки стихотворения, в которых чувствуется несомненность апокалипсического характера стиха и указание на средство спасения – белый платок прекрасной девы – символ спасающей чистоты [4 : 141]. Именно эту спасающую чистоту ищет человек; однако, как показано в стихотворении «Канцона первая», для того, чтобы увидеть её и понять, нельзя ограничиваться человеческим рассудком, необходимо мышление на метафизическом уровне бытия, а потому-то поэт утверждает: «Надобно мне говорить о тебе / на языке серафимов» [4 : 135]. Между тем в этом

самоотречении кроется не отказ от себя самого, а, наоборот, сохранение своей природы (говоря христианским языком, – спасение души). Здесь невольно приходят на память слова из Евангелия: «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережёт ее» (от Матфея, 10 : 39). Именно в сопричастности надчеловеческому бытию усматривается возможность достижения человеком полноты своей природы, в то время как вне божественного бытия, находясь исключительно в границах собственного бытия, немислимо сохранить и приумножить духовный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В. Гора Звезды / В. Брюсов // Огненный ангел: Роман, повести, рассказы. СПб.: Северо-Запад, 1993. – 909 с.
2. Достоевский Ф.М. Бесы / Ф.М. Достоевский // Собрание сочинений в 12 Т., т. 8. – М.: «Правда», 1982. – 461 с.
3. Цветков С.Э. Великое неизвестное. Magnum Ignotum: Исторические миниатюры. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – 510 с.
4. Гумилёв Н. Стихотворения / Н. Гумилёв. – М.: Эксмо, 2002. – 416 с.
5. Соловьёв В. Духовные основы жизни / В.С. Соловьёв // Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998. – 189 с.